

УДК 94 (477.74) : 347 : 316.73

Гончаров А.С.¹

Ануприенко И.А.²

**О КУЛЬТУРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ МАЙНОССКОЙ ОБЩИНЫ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Ставропольский государственный педагогический институт

Goncharov A. S.

Anuprienko I. A.

**ON CULTURE OF NEKRASOV COSSACKS OF THE MANYAS COMMUNITY IN THE
SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENT.**

Stavropol State Pedagogical Institute

Аннотация: Настоящая статья посвящена проблеме изучения культуры казаков-некрасовцев Майносской общины. В ходе исследования мы опираемся на ключевой исторический источник – летопись казака Василия Петровича Саничева. Собранные статистические данные обобщают исследования американских культурологов, советских историков и материалы государственного архива Турции. Социокультурные черты общины показаны исходя из определения казаков-некрасовцев как этнокультурной общности.

Abstract: This article is devoted to the problem of studying the culture of the Nekrasov Cossacks of the Manyas community. In the course of our research, we rely on a key historical source – the chronicle of the Cossack Vasily Petrovich Sanichev. The collected statistics summarize the research of American cultural scientists, Soviet historians and materials from the Turkish State Archives. The sociocultural features of the community are shown based on the definition of the Nekrasov Cossacks as an ethnocultural community.

Ключевые слова: старообрядчество, казаки-некрасовцы, казачья культура, культурная интеграция, культурная черта, Османская империя, Майнос.

Key words: Old Believers, Nekrasov Cossacks, Cossack culture, cultural integration, cultural trait, Ottoman Empire, Manyas.

¹ Гончаров Артем Сергеевич - лаборант кафедры Теории и методики истории и обществознания Ставропольского государственного педагогического института.

² Ануприенко Ирина Алексеевна - канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры Теории и методики истории и обществознания Ставропольского государственного педагогического института

Проблема исследования культуры некрасовцев во второй половине XIX – начале XX вв. отражена в специфике культурной интеграции донской, кубанской, некрасовской культур и культурных черт Османской империи. Если культурное и экономическое взаимодействие некрасовцев и турок имело постоянный характер, то оказала ли турецкая культура решающее воздействие на формирование социокультурных черт Дунайской и Майноской общин? Противоречие заключается в том, действительно ли культурная интеграция с Турцией оказала решающее влияние на традиции и обычаи некрасовцев, окончательно закрепившиеся в первой четверти XX века.

Актуальность темы исследования выделяется в качестве самостоятельной внутри масштабного научного направления – казачеведение. На протяжении веков мусульманские государства Причерноморья, Крымское ханство и Османская империя активно контактировали с казачьими сообществами. Но не только военные столкновения сторон, включая историю «морской войны», составляют содержание этих отношений. Объем и уровень неконфронтационных практик контактов казаков с султанами Османской империи существенно выходит за большинство имеющихся в науке трактовок отношений казаков с государствами «исламского мира». В этом видится главный аспект актуальности востребованности изучения культуры некрасовцев в данный исторический период.

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы исследования можно использовать при изучении казачества и, в частности, культуры казаков-некрасовцев современных социальных и этнических норм, обычаев казаков-некрасовцев, а также для сохранения общекультурных традиций прошлого. Материалы можно использовать при проведении уроков по «Истории», «Краеведению», «Литературе» в школах, при проведении занятий по «Истории», «Культурологии» и «Литературоведению» в высших учебных заведениях.

На региональном уровне практическая значимость выражена в возможности проведения воспитательных мероприятий по культуре Ставропольского края, для освещения тем культуры – традиций и обычаев некрасовцев как особой казачьей группы, с целью осуществления долговременной культурной коммуникации и межкультурного взаимодействия.

Научная новизна исследования обусловлена частным рассмотрением культуры Майноской общины некрасовцев и их культурных черт, исходя из предположения, что в ходе этногенеза и культурной интеграции казаки-некрасовцы с Майноса сформировали свой этнотип и приобрели все необходимые этнокультурные черты, позволяющие интерпретировать данную казачью группу как особую этнокультурную общность. В качестве

основных методов исследования мы используем историко-сравнительный, историко-системный и ретроспективный методы в рамках социокультурного подхода.

Цель исследования – проанализировать культуру и ключевые культурные черты казаков-некрасовцев Майносской общины во второй половине XIX века.

В историческом дискурсе культурные особенности «дунавцев» – некрасовцев Дунайской общины были описаны гораздо более подробно, нежели культура майносцев. Исторические источники личного типа и труды историков современников, писавших о майносцах, наиболее распространены под авторством путешественников: У. Гамильтона (первая работа 1837 г.), М. Чайковского (1841 г.), Ч. Мак-Фарлана (1847 г.), В. Иванова-Желудкова (1863 г.). У всех историков сложилось разное мнение о состоянии Майносской общины, но сходились они в двух вещах: первое – Майноская община сумела сохранить культурные традиции старообрядчества и Московской Руси, второе – майносцы имели очень слабую культурную интеграцию с Османской империей и даже с турецкими торговцами.

Историк-современник В.П. Щепотьев пишет, что структура Майносской общины являлась аналогом русской деревни в азиатской Турции, майносцы активно взаимодействовали с турками, находились на службе в турецкой армии и даже участвовали в русско-турецких войнах, выступали на стороне Турции в Крымской войне с 1854 года. При этом, В.П. Щепотьев, считает, что некрасовцы не являлись этнотипом, это был социотип – Майноская община была представлена в основном теми же этнокультурными чертами, что и донское казачество с элементами культуры кубанцев [10, с. 581].

Современный отечественный историк В.Н. Никитина придерживается противоположной точки зрения: казаки-некрасовцы в период с 1730-х по 1860-е гг. прошли длинный путь историко-культурного развития, приобрели все культурные черты, свидетельствующие о наличии собственного этнотипа. В турецкую армию они входили лишь потому, что отказ означал бы возвращение на русские земли, где их безусловно ожидала казнь за участие в восстании К.А. Булавина, поддержанное И.Ф. Некрасовым [5, с. 115].

Мы считаем, что казаки-некрасовцы, действительно, представляли собой этнокультурную общность. Свидетельства тому видно во многих современных исследованиях культуры, традиций и обычаев некрасовцев. Что же касается взаимоотношений казаков с Россией и Турцией, то по этому поводу можно привести важный источник – Заветы Игната Федоровича Некрасова. Завет 1: «Царизму не покоряться. При царях в Россию не возвращаться». Завет 34: «Если спутался с турками – смерть». Завет 37: «На войне в русских не стрелять. Против крови не ходить» [4]. Исходя из содержания прочих Заветов и знания того, что не-

красовцы соблюдали их вплоть до 1905 года, можно предположить, что их политика по отношению к Турции характеризовалась как «враждебный нейтралитет».

Из-за поддержки восстания К.А. Булавина, казачьи отряды Игната Федоровича Некрасова были сосланы на р. Кубань. В период с 1709 по 1710 гг. число переселенцев достигло около 20 тысяч. Первая некрасовская община находилась на правом берегу р. Лаба (совр. станция Некрасовская). После гибели атамана Игната Некрасова в 1737 году некрасовцы оказались зависимы от крымского хана. Девлет-Гирей II, выступая против России, терпит серьезное поражение. Императрица Анна Иоанновна направляет армию против некрасовцев. Тогда же происходит раскол общины: часть некрасовцев мигрирует на Дунай, часть – на озеро Майнос. Остальные последовали за «первой волной», теми из некрасовцев, что оставили Дон в 1709-1710-е гг., и мигрировали в Болгарию и Бессарабию [6, с. 69-70].

Культурные черты Майносской общины казаков-некрасовцев значительно отличались от черт более крупной Дунайской общины. Майносская община не получала от султана столь высоких привилегий, но поначалу и не была обременена необходимостью служить в турецкой армии. В большей степени именно этот исторический факт повлиял на особенности историко-культурного развития майносцев: они гораздо лучше сохранили старообрядческие традиции и культуру Московской Руси XVII века, так как имели независимость от Русской православной церкви и затем – непосредственно от российской политической власти [36, с. 25].

Культура Майносской общины была крайне закрытой, интеграция происходила в основном по двум направления – военному и торговому. И, несмотря на гостеприимство, проявленное турецким султаном, некрасовцы всегда стремились вернуться на историческую родину, поскольку сам факт служения в турецкой армии рано или поздно предполагал перевод некрасовцев на постоянную службу, а это неизбежно бы повлекло за собой полную ассимиляцию турками.

Историк В.М. Грязнова, специализирующаяся на изучении культурных связей казаков-некрасовцев, считает, что Майносский период – наиболее значимый в истории казаков-некрасовцев, поскольку именно в это время они актуализировали русские народные традиции, а интеграция с турецкой и европейской культурой была не столь сильна, как в случае с Дунайской общиной [2, с. 187]. В период переселения некрасовцев на озеро Майнос развивается фольклор, зарождаются «некрасовские сказки»: сказание о граде Игната, нравоучительные притчи и переделанные турецкие сказки, а также сказки донских казаков [9].

Майносская община выглядела привлекательно для прочих групп некрасовцев, а

также для донских казаков. Сюда эмигрировали различные казачьи войска, крестьяне и даже оседали некоторые русские купцы. Майноская община часто пополнялась за счет переселенцев из Эноса в восточной Фракии, побережья Эгейского моря, портового города Бандырма и прилежащих торговых постов, а также из Дунайской общины [3, с. 149-150].

Т.С. Рудиченко пишет, что к середине XIX века Майноская община сумела сохранить все значительные русские народные традиции и даже фольклор, майносцы плохо владели турецким языком и общались с турками по необходимости. Лишь в их говоре было отражено длительное проживание на территории, не принадлежащей русскоязычному населению. Бытовой язык для большинства членов Майносской общины был русский, либо украинский, гораздо реже – турецкий [6, с. 72]. Это приводило к тому, что некрасовцы жили весьма обособлено, у них не было хорошего оружия и богатой одежды, как у дунавцев. Но, вскоре некрасовцам пришлось изменить свою позицию по отношению к турецким властям. Казаки стояли перед сложным выбором: либо предоставлять Турции часть воинов, либо вернуться в Россию, где их ждала верная смерть.

Опираясь на государственные архивы Турции, можно выделить, что не только культурно-бытовые, но и культурно-военные особенности заметно выделяли Майносскую общину по сравнению с Дунайской. По получении фирмана все казаки созывались на круг, на площади перед арсеналом. Атаман и старики сидели на скамьях. Каждый казак по очереди подходил, кланялся атаману и старикам и клал у ног атамана свою шапку, к которой была прикреплена карточка с его именем. Когда все сложили свои кубанки, старики перемешивали их палками, с которыми всегда ходили. Есаул, по приказанию атамана, отбирал известное количество шапок, соответственно числу казаков, указанному в фирмане. Потом читались имена, составлялся список и вручался войсковому атаману. Атаман вызывал внесенных в список казаков, одного за другим, и отдавал каждому его шапку. Казак кланялся и отходил [1].

Браки заключались внутри Майносской общины, некрасовцы не признавали брак с иноверцами, что периодически вызывало недовольство у местного населения. Эта ситуация осложнялась еще и тем, что некрасовцев принимали как русских православных бойцов, опытных в военном деле. Так как султаны превыше всего ставили в Османской империи два сословия – духовенство и военное служилое, то, видимо, этим и был обусловлен характер принятия некрасовцев в Турцию. Однако многие султаны были убеждены, что имеют дело с православными русскими, обученными воинами, которых можно «перевоспитать», превратить в янычар. Со времен правления Селима III никто из окружения султана, включая придворных, не ожидал, что некрасовцы окажутся старообрядцами. Именно здесь берут

начало многие противоречия, приведшие к возвращению некрасовцев на историческую родину [2, с. 190].

Обычно Круг в Майносской общине созывался избранными должностными лицами. Но иногда это происходило без их ведома. В последнем случае обычно наказывали или смещали представителей власти. Большое внимание некрасовцы уделяли семье. Согласно Игнатовым Заветам, за неуважение родителей и старших виновного наказывали физически, но могли и казнить [1]. Обижающий напрасно жену муж наказывался кнутом (100 ударов), а Круг по ее желанию мог дать развод. Насильников или неверных жен ждала казнь. С пожилыми родителями должен был жить младший сын, который заботился о них. Отметим, что строгость норм была скорее превентивной мерой, поддерживающей моральное состояние общины. Исследователь У. Гамильтон пишет, что некрасовцы «отличались безупречным поведением, всегда были вежливы и почтительны» [11, с. 17].

На бытовом уровне Майноская община жила довольно богато. В доме можно было найти классические кубанки, шашки, папахи и, вместе с тем, турецкую военную форму, яркие шелковые одежды. Во второй половине XIX века некрасовцы приучились создавать сложные одежды с русскими и турецкими орнаментами, ткани они брали из числа тех, что были похожи на одежду донских казаков, добавляя к ней редкий турецкий бархат. Последним пристанищем представителей общины была р. Кубань – и потому основными цветами были не холодные (черный, синий), как у донских казаков, а теплые (красный, оранжевый, желтый) – ближе к кубанским традициям.

Религиозная культура часто проявлялась на языковом и бытовом уровнях. Некрасовцы не проявляли агрессии к туркам, стараясь соблюдать этно-конфессиональный нейтралитет. Ф.В. Тумиличев, приводя свидетельство одного из некрасовцев, пишет о том, имел место религиозный антагонизм: «Есть турки плохие и хорошие, и наши так же. У них церковь своя, у нас своя». Антагонизм некрасовцев и турок прослеживается и на бытовом уровне: «Видел вчера Ахмета – турчин, а хороший человек» [8; 9]. В турецких источниках также существует множество подобных примеров.

Согласно летописи В.П. Саничева, у некрасовцев Майносской общины во второй половине XIX века выработался особый военный этикет: они никогда не грабили местное население, не участвовали в стычках на границах или внутри Османской империи. Сослуживцы также были неприкосновенны для некрасовцев. Военные трофеи при этом считались законными. Существовал завет «на войне в русских не стрелять». Однако трактовался он своеобразно. Некрасовцы рассказывали на одной из встреч с войсками донских казаков в Турции: «Так и мы с ними и не бьемся, мы через них палим, и они через нас. Как можно нам

с ними биться... И кой-когда приходится, но – по службе». Путешественники, общавшиеся с некрасовцами, также отмечают их высокие моральные качества и следование Заветам [7].

Основным хозяйственным занятием некрасовцев было рыболовство. На промысел шли артели по 18-25 человек с «осеннего Димитрия» (26 октября) на 7 месяцев. Иногда срок был большим. Весь доход хранился у атаманка, а по возвращении доход «дуванился», то есть делился между всеми. 1/3 доходов казаков шла «в кош», который расходовался следующим образом: 1/3 – на войско и вооружение, 1/3 – на церковь и школу, 1/3 – на поддержку старых, больных, вдов и иных нуждающихся. Также казаки занимались извозом, ремеслом, коневодством. Доходы от них распределялись аналогичным образом. Артельное рыболовство и промыслы обеспечивали завещанное Игнатом социальное равенство. Земледелие и торговля долгое время табуировались из-за потенциала расслоения общины [1; 6].

Особым было отношение некрасовцев к алкогольной продукции. Несмотря на употребление в некоторых станицах Майносской общины спиртных напитков, не запрещенных христианской традицией, в станицах существовало правило «шинков, кабаков не держать». Казаки сообщали путешественникам, что «нет ни корчмы, ни шинка в селе, у нас от Игната заповедано не держать шинков в селе». Мужчины и многие женщины были грамотны. Но в этом была не столько заслуга некрасовцев, сколько заслуга султана и его придворных [12, с. 198].

Жизнь общины регулировалась турецкими законами и «Заветами Игната» – сводом норм обычного права. Очевидно, что за сотню лет после смерти Некрасова они были дополнены в соответствии с новыми условиями жизни [4]. Но, учитывая отмеченное очевидцами трепетное отношение некрасовцев к традициям, эти новации не были радикальны. Верховная власть, что традиционно для казачьих общин, принадлежала Кругу, в который входили все мужчины с 18 лет. Войсковые должности мог занимать опытный человек с 30 лет, а стать Войсковым атаманом – с 50 лет и не более чем три раза, т.к. «власть человека портит». За неявку на круг налагался штраф. Вопреки казачьим обычаям, в Круге некрасовцев участвовали и женщины, но с правом совещательного голоса [12, с. 204].

Особое место в «Заветах» уделялось предотвращению социального и имущественного расслоения среди казаков. Все должности были выборными и занимали их по решению Круга на год. Никто из членов общины не должен был работать на другого казака.. Ряд некрасовских норм напрямую связаны со Священным Писанием. Например, имущество следовало приобретать трудом, а помогать бедным – тайно. Забота о пожилых и нуждающихся общинниках лежала на всех работающих, делавших обязательные

отчисления. А распределял помощь Круг «дабы не унижать и не унижаться» [4].

В летописи В.П. Саничева дается подробное описание занятий некрасовцев в турецких школах. Многие школы существовали при церкви, их посещали дети с 8 до 12 лет. Школы содержал султан на свои средства специально для некрасовцев. Вблизи школ обычно находились университеты, так, некрасовцы зачастую общались с турецкими студентами-богословами. Несмотря на средний достаток общины, доходы ее жители получали исключительно трудом, а гостей встречали хоть и несколько настороженно, но почтительно. Нравы вне школы поддерживались строгими установлениями общины. Например, за публичное сквернословие провинившемуся, независимо от статуса, полагалось 30 ударов ногайской. За убийство, богохульство, святотатство, измену, грабеж, разбой полагалась смерть [7].

Однако нельзя идеализировать культуру и быт некрасовцев: не все некрасовцы соблюдали Игнатов Завет. Казачка из Майносской общины некрасовцев М. Гоголева рассказывала этнографу Ф.В. Тумилевичу: «Были на Майнозе и дурные мужья. Про себя скажу, мой мужик Лаврен Гоголев – ревнивый был. На курагод и то меня не пускал, бил меня. Жалко было его на Круг выводить, да стыда боялась, терпела. А по закону он не мог меня и пальцем тронуть» [8]. Отмеченные недостатки характерны для любого общества. В целом же записки путешественников и этнографов создают образ благочестивых и законопослушных станичников.

В 1872-1874 гг. часть казаков-некрасовцев, при посредничестве монахов с Афона, отошла от старообрядческой общины и наладила связь с Русской православной церковью. Но это не раскололо общину. Священников, как и раньше, избирал казачий круг из наиболее образованных станичников. А их хиротония проходила в Москве для православных или в Белой Кринице для старообрядцев [1]. В это же время происходит ухудшение отношений между некрасовцами и Османской империей.

Так, вследствие накопившихся противоречий между некрасовцами и турецкими властями, к 1911 году в поселениях на Майносе оставалось менее 1000 казаков-некрасовцев. В письме Кавказского наместника Н.А. Бугрову от 26 октября 1910 г. говорилось о 175 семьях, проживающих в Эски-Казакларе, с общим количеством в 729 человек обоего пола. В 1911 г. в ходе обследования некрасовского поселения оказалось, что большая половина их желает переселиться в Россию, а именно 418 человек, из которых 202 мужского пола и 216 женского пола. В 1905 году в России старообрядцы получили свободу вероисповедания. Через семь лет около 170 семей во главе с атаманом С.Ф. Шашкиным вернулись в Россию. Впрочем, они сразу же встретили серьезное сопротивление, вначале – в лице царизма и Временного правительства, затем – в лице большевистской власти [7; 9].

Выводы. Таким образом, казаки-некрасовцы, являясь старообрядцами, не могли принять новообрядческую культуру, их выступление в защиту крепостных крестьян стало отправной точкой в ухудшении отношений с Россией. В итоге эти противоречия вылились в восстание К.А. Булавина, поддержанное Игнатом Федоровичем Некрасовым, родоначальником некрасовского войска донских казаков. Не сумев противостоять казачьим войскам Анны Иоанновны, некрасовцы приняли подданство крымского хана и обосновались на Кубани, затем двинулись в сторону Дуная и озера Майнос. Майноская община придерживалась политики «враждебного нейтралитета» и сумела сохранить большую часть своей исконной казачьей культуры. Но из-за того, что Майноская община слишком разрослась, произошел раскол, и часть некрасовцев иммигрировала на остров Мада. Когда в Османской империи начался второй период «Танзимата», все крупные общины некрасовцев были объявлены врагами Турции. Это послужило поводом для возвращения некрасовцев на историческую родину в 1905 году. В 1962 году произошла реэмиграция всей Майносской общины во главе с летописцем В.П. Саничевым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архивы Турции. Управление государственного архива Турции: <https://www.devletarsivleri.gov.tr> [дата обращения 05.03.2021].
2. Грязнова В.М. Социокультурное своеобразие языковой картины мира старообрядцев казаков-некрасовцев. *European Social Science Journal*. 2014. № 12 (51). С. 186-193.
3. Грязнова В.М. Творческие практики старообрядца казака-некрасовца. *Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива*. 2014. № 1. С. 149-157.
4. Заветы атамана Игната Некрасова. Старообрядческая мысль: <http://starove.ru/obychai/zavet-atamana-ignata-nekrasova> [дата обращения: 05.03.2021].
5. Никитина В.Н. Казаки-некрасовцы в Турции: этносоциокультурный контекст традиции. В сборнике: *Музыка. Миф. Бытие Сборник статей*. Ответственный редактор – канд. искусствоведения В.П. Фомин. Москва, 1995. С. 115-134.
6. Рудиченко Т.С., Демина В.Н. К интерпретации письменных источников об истории и культуре казаков-некрасовцев. *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2012. № 2 (63). С. 69-75.
7. Саничев В.П., возглавивший возвращение казаков-некрасовцев из Турции в СССР рабочий совхоза «Левокумский» Левокумского района. Август 1963 года // ГАСК. 1-32.

8. Тумилевич Ф.В. Летописи казаков-некрасовцев <http://www.tumilevich.ru> [дата обращения: 05.03.2021].
9. Тумилевич Ф.В. Русские народные сказки казаков-некрасовцев. Ростов-н/Д.: Ростовское книжн. изд-во, 1958. – 258 с.
10. Щепотьев В.П. Русская деревня в азиатской Турции // Вестник Европы, № 8, 1895. С. 562-583.
11. Hamilton W. Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia. L., 1842. – 596 p.
12. MacFarlane C. Turkey and It's Destiny. Philadelphia: Lea and Blanchard, 1850. – 414 p.

REFERENCES (transliteration)

1. Arhivy Turcii. Upravlenie gosudarstvennogo arhiva Turcii: <https://www.devletarsivleri.gov.tr> [data obrashcheniya 05.03.2021].
2. Gryaznova V.M. Sociokul'turnoe svoeobrazie yazykovoj kartiny mira staroobryadcev kazakov-nekrasovcev. European Social Science Journal. 2014. № 12 (51). S. 186-193.
3. Gryaznova V.M. Tvorcheskie praktiki staroobryadca kazaka-nekrasovca. Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa. 2014. № 1. S. 149-157.
4. Zavety atamana Ignata Nekrasova. Staroobryadcheskaya mysl': <http://starove.ru/obychai/zavet-atamana-ignata-nekrasova> [data obrashcheniya: 05.03.2021].
5. Nikitina V.N. Kazaki-nekrasovcy v Turcii: etnosociokul'turnyj kontekst tradicii. V sbornike: Muzyka. Mif. Bytie Sbornik statej. Otvetstvennyj redaktor – kand. iskusstvovedeniya V.P. Fomin. Moskva, 1995. S. 115-134.
6. Rudichenko T.S., Demina V.N. K interpretacii pis'mennyh istochnikov ob istorii i kul'ture kazakov-nekrasovcev. Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki. 2012. № 2 (63). S. 69-75.
7. Sanichev V.P., vozglavivshij vozvrashchenie kazakov-nekrasovcev iz Turcii v SSSR rabochij sovhoza «Levokumskij» Levokumskogo rajona. Avgust 1963 goda // GASK. 1-32.
8. Tumilevich F.V. Letopisi kazakov-nekrasovcev <http://www.tumilevich.ru> [data obrashcheniya: 05.03.2021].
9. Tumilevich F.V. Russkie narodnye skazki kazakov-nekrasovcev. Rostov-n/D.: Rostovskoe knizhn. izd-vo, 1958. – 258 s.
10. Shchepot'ev V.P. Russkaya derevnya v aziatskoj Turcii // Vestnik Evropy, № 8,
10

1895. S. 562-583.17

11. Hamilton W. Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia. L., 1842. – 596 p.

12. MacFarlane C. Turkey and It's Destiny. Philadelphia: Lea and Blanchard, 1850. – 414 p.

Рецензенты:

Шумакова А.В. – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой Общей педагогики и образовательных технологий Ставропольского государственного педагогического института.

Калиновская Е.А. – канд. фил. наук, доцент кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Северо-Кавказского федерального университета.